

Дворец Цзывэй\*. Снаружи тихо моросил ночной дождь.

Внезапно тишину нарушил резкий звук — то с грохотом разлетелись осколки фарфора. Вспотевший от страха младший евнух Дэчунь тотчас рухнул на колени, а евнухи и служанки, стоявшие снаружи, синхронно опустились следом, не издав ни звука.

Из внутренних покоев донёлся голос главного евнуха:

— Ай-я! Накиньте хоть сперва что-нибудь! Чего застыли? Подайте одежды!

Во всём дворце лишь один человек способен заставить главного евнуха Цуй Шэна так суетиться, и это хозяин самой Поднебесной.

Цуй Шэн, едва поспевав, подхватил роскошную верхнюю мантию и аккуратно надел на плечи своего господина. Однако его отточенные движения в тот же миг прервал хриплый, низкий голос:

— По тому делу есть новости?

Главный евнух на мгновение замер, а затем тихо сказал:

— Вы тоскуете по господину Се.

Слова эти были крайне опасны. Ещё три года назад Сяо Сюаньцянь за подобное разорвал бы на части любого, а теперь ощущал лишь всепоглощающую пустоту.

Он стоял у входа в зал, а за спиной, распростёршись на полу, затаились его приближённые. Первый осенний дождь принёс с собой холод, проникающий до самых лёгких.

Ему снова снился Се Вэнь.

Та яростная ссора, к которой он не желал возвращаться, пустила в сердце корни, словно ядовитая лоза, и день за днём сочилась ядом. Взгляд Се Вэня был холоден, как лёд, а доводы — ясны и логичны. Казалось, с его тонких губ вечно слетают одни лишь рассуждения о государстве, будто он никогда не понимал, чего на самом деле хотел от него Сяо Сюаньцянь.

В груди разгоралось пламя.

Он прижал Се Вэня к столу — тому самому, за которым тот обычно читал и писал. Рисовая бумага была разорвана в клочья, чернила пропитали рукава. Сжимая его хрупкие плечи, Сяо Сюаньцянь почти ощущал вкус опьяняющего наслаждения.

Широкие рукава сползли вниз, пальцы сомкнулись на тонком запястье. Этими красивыми и изящными руками его учитель часто играл в шахматы. Когда-то он мечтал их целовать, а теперь вонзал в кожу острые зубы, точно жаждущий крови зверь.

Сопrotивлялся ли Се Вэнь? Кажется, да. Костяшки его пальцев побелели от напряжения, на тыльной стороне ладони проступили голубоватые вены, каждая косточка дрожала от боли.

Среди неистово дрожащих запястий и сбившегося дыхания его собственная тревога вдруг нашла странное утешение. Но когда Сяо Сюаньцянъ поднял взгляд, он увидел влажные ресницы своего учителя, а под ними — ясные, мягкие глаза, смотрящие на него как на чужого.

Как на чужого...

Это был его учитель. Как он может смотреть на него так?

Дождь всё не утихал. Перед холодным, безмолвным залом Сяо Сюаньцянъ медленно закрыл глаза и запрокинул голову. Он тяжело вздохнул, и вот рту будто вновь появился привкус крови.

— Я... — тихо спросил он, — выгляжу жалким?

По спине Цуй Шэна пробежал холодок, а веки предательски задрожали. Тщательно подбирая слова, он ответил:

— Как можно? Ваше Величество, вы наш повелитель, истинный Сын Неба. Кроме того... тогдашние события никто не мог предвидеть. Господин Се ведь уже три года как...

Три года. Немалый срок.

— Три года... — пробормотал Сяо Сюаньцянъ. — Как думаешь... с его плохой памятью он уже забыл моё лицо?

Главный евнух подумал про себя, что Се Вэнь был рассеян только в мелочах, а в серьёзных делах ничего не упускал, однако вслух сейчас мог лишь угодать императору.

— Господин императорский наставник больше всех заботился о вас и был предан вам всей душой. Как же он мог забыть Ваше Величество?

Слова эти на мгновение успокоили Сяо Сюаньцянъ, но вскоре его взгляд многозначительно скользнул по евнуху и потемнел.

— И всё же он хотел от меня уйти.

— Наставник Се лишь отправился развеяться, — поспешно добавил Цуй Шэн. — Разве вы тогда не потому решили его не преследовать, чтобы смягчить ситуацию?.. За последние дни ваш старый слуга втайне провёл тщательное расследование: личности и местонахождение всех подозрительных людей уже проверены. Осталось только начать действовать.

«Смягчить ситуацию» было лишь удобной отговоркой. Тот конфликт между ним и Се Вэнем давно вышел за рамки отношений ученика и учителя, они почти дошли до полного разрыва... И всё же это был его учитель, принадлежащий только ему одному. Как он мог так злиться на Сяо Сюаньцзянь из-за каких-то посторонних?

Волчонок с ненасытной жадой обладания никак не мог этого понять.

Другие люди не имели значения. В его отношениях с учителем не должно быть места чужому вмешательству.

Император стоял неподвижно, дождь приносил с собой ледяной холод. На нём была роскошная мантия с вышитыми драконами, но в душе бушевали глубокая обида и гнев.

— Тогда начинайте.

Он поднял руку — ту самую, что держала власть над всей Поднебесной. Власть, о которой он когда-то мечтал... Больше никакой слабости, никаких унижений. Только вот сможет она вернуть ему того человека? Внутри поднималось беспокойство.

Главный евнух напряг слух, ловя каждое слово императора.

— Когда будете затягивать сети, не причиняйте ему вреда, действуйте осторожно, — сказал Сяо Сюаньцзянь. — Начинайте этой осенью.

Он не выдержит ещё одной холодной зимы без своего учителя. Одна только мысль об этом сводила его с ума.

Луоду. Павильон Пионов.

Тот же самый дождь, что мелко моросил над дворцом Цзывэй, в Луоду обрушился с оглушительной силой. Молнии прорезали небо, и девочка с красной лентой в волосах, опёршись на подоконник, лениво сказала:

— В такую грозу дела у госпожи Цин, должно быть, идут неважно.

Павильон Пионов был борделем, а госпожа Цин — его хозяйкой.

— Ты за неё переживаешь? — мягким и ровным голосом спросил у неё стоящий позади мужчина в синих одеждах.

— Я за тебя переживаю! — фыркнула Тунтун и принялась разглядывать его необычайно красивое, но теперь совершенно иное лицо. — Даже с той маской, что я тебе дала, за эти два года ты оставил немало следов. И этот паршивый император ведёт себя странно: то оправдывает тебя, то заново похоронные обряды устраивает. Тебе не страшно?

Се Вэнь опустил взгляд и сделал глоток чая.

— Немного.

Похоже, что тихие мирные дни вот-вот будут нарушены волчком. Стоило ему услышать о действиях Сяо Сюаньцяня, как тело невольно вспоминало пережитое... Каждое прикосновение, каждый укус будто отзывались у него в костях.

— Всего лишь немного? — прищурилась Тунтун. — Он же тебя ищет! А вдруг убить собрался?

— Он хочет моей смерти не день и не два, — спокойно ответил Се Вэнь. — Мы с этим щенком не можем жить под одним небом, так разве ж это новость?

Тунтун сразу же вспомнила непредсказуемый и переменчивый нрав паршивого императора.

— Хорошего же ученика ты воспитал.

— Очень остроумно, — покосился на неё Се Вэнь.

— Я и в роли Системы была остроумной.

Девочка с красной лентой уселась рядом, грея руки над жаровней, на которой томилось вино.

— Жаль только, что толку от меня как от Системы мало, иначе тебе не пришлось бы бесцельно прозябать в этой дыре как украшение. А я ведь всё насквозь вижу! Тц-тц, эта госпожа Цин явно на тебя глаз положила. Рано или поздно она точно попытается затащить тебя в постель.

Се Вэнь коснулся края чашки.

— Даже это заметила?

— Все развратники ведут себя одинаково, взглядом так и пожирают. Но... — Тунтун подняла взгляд и оглядела мужчину несколько раз, — разве Сяо Сюаньцянь не смотрит на тебя так же? Когда ваши взгляды встречаются, тебя будто пригвождает к месту. Может, возьмёшь да соблазнишь его? Вдруг вспыхнут старые чувства...

— Пепел не разгорается вновь. — Се Вэнь повертел крышку чашки, и пальцы его неосознанно напряглись, совсем как пару лет назад, когда тот человек сжимал его запястья, натянутые до предела, словно готовая лопнуть струна. — От одной мысли о таких вещах всё тело сжимается от боли.

Тунтун высунула язык и тяжело вздохнула.

— И что тогда делать? Я же носом чую: этот паршивый император точно идёт за тобой. Может, уже понял, что ты инсценировал смерть? Но моё зелье «мнимой смерти» опережает своё время, он не мог тогда заметить... Неужто пришло в голову раскопать твою могилу?

— Хм, — собеседник на мгновение задумался и даже серьёзно добавил: — То-то у меня последнее время глаз дёргается. Вот откуда было плохое предчувствие.

— Терпеть не могу твой характер, — пожаловалась девочка. — Ты что, совсем не волнуешься?

Се Вэнь снова наполнил чашку, медленно поворачивая крышечку.

— Оправдание, похоронные обряды — всё это лишь прощупывание почвы. Чем громче новости, тем больше паники они сеют и тем больше глаз следит за любым движением. Нам следует быть осторожнее.

Он неторопливо сделал ещё один глоток чая.

— На данный момент, если за нами уже наблюдают, то стоит сделать хоть шаг к бегству — и уже сегодня ночью я буду пить чай лицом к лицу с Сяо Сюаньцянем, чтобы затем мой дорогой ученик взялся за клинок.

Он сделал характерный жест рукой и с серьёзным выражением лица продолжил:

— С хрустом белое лезвие входит, красное выходит, и я умираю на месте.

Тунтун уставилась на него, потеряв дар речи, и лишь спустя пару мгновений наклонилась и тихо прошептала:

— Так что же нам делать? Думаешь, он тебя уже нашёл?

Едва она договорила, как снаружи Павильона Пионов, опустевшего из-за сильного дождя, один за другим начали загораться факелы. Се Вэнь выглянул в окно и сквозь колышущиеся ивовые ветви увидел лица воинов Железной Гвардии, озарённые вспышками молнии.

В двери Павильона Пионов никогда прежде так не стучали — вернее, не вламывались. С грохотом створки разлетелись в щепки. Девушки внутри притихли, и в этой мёртвой тишине под тяжестью шагов стало ясно, что ловушка захлопнулась.

Се Вэнь обернулся и пробормотал:

— А ведь и впрямь нашли...

Тунтун содрогнулась всем телом.

— Я не хочу, чтобы меня порубили на фарш! Хозяин, дальше ты сам. Сейчас ты выглядишь совсем по-другому, проблем быть не должно!

Едва договорив, она из девочки с заплетёнными волосами обратилась браслетом из красной нити и бесшумно скользнула на запястье Се Вэня.

Эта девчонка ничему другому не научилась, но правило «каждый сам за себя» освоила в совершенстве. Се Вэнь покачал головой, сел перед зеркалом и принялся шаг за шагом накладывать маскировку, которую готовил все эти годы: скрыл шрамы на запястье и затылке, мозоли на пальцах и даже родинки...

Сяо Сюаньцзянь был дотошным до мелочей человеком, но, к счастью, Се Вэнь хорошо его знал. Знал повадки, уловки и методы этого паршивца. Знал, по каким критериям тот отличает правду от лжи. Знал, насколько он жесток, своенравен и деспотичен.

Каждую грань его природы Се Вэнь прочувствовал на собственном горьком опыте за те долгие годы обучения. И такого императора он взрастил собственными руками.

Всё закончилось быстро и незаметно. Под раскаты грома дверь этого уединённого домика распахнулась. Госпожа Цин с растрёпанными волосами семенила позади евнуха и умоляла:

— Юйлан всего лишь каллиграф в нашем Павильоне! Он не сделал ничего дурного! Какого же вора вы, господа, ищите? Нельзя же понапрасну обвинять человека, он ни тяжестей носить, ни работу тяжёлую делать не способен... М-м, м-м!..

Госпоже Цин заткнули рот и уволокли прочь. Во главе процессии стоял евнух в синем одеянии.

— Пожалуйста, следуйте за нами.

Он склонил голову и поднял руку в жесте приглашения. Почтительный поклон был холодным и бездушным.

Примечание:

Дворец Цзывэй (紫微宮, Zǐwēi Gōng) — главный императорский дворец. Буквально: «Пурпурный Сокровенный Чертог». Назван в честь Полярной звезды — сакрального центра небес и обители Небесного императора.

<http://bllate.org/book/17270/1617773>